

2. **Ханаху Р. А.** Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – Ростов-н/Д, 2001. – 192 с.
3. **Исакова Н. В.** Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. – Новосибирск, 2001. – 344 с.
4. **Арутюнов С. А.** Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
5. **Радин П.** Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. – СПб. : Евразия, 1999. – 288 с.
6. **Михайлин В.** Тропа звериных слов: пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 540 с.
7. **Мелетинский Е. М.** Культурный герой // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 25–28.
8. **Мелетинский Е. М.** Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. – М. : Наука, 1979. – 228 с.
9. **Новик Е. С.** Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. – М. : Изд-во РГУ, 1993. – С. 139–153.
10. **Абрамян Л.** Ленин как трикстер // Современная российская мифология / сост. М. В. Ахметова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. – С. 68–89.

УДК 159.9 + 72

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ АРХИТЕКТОРА НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Н. В. Багрова (Новосибирск)

В статье, в рамках описания методологических проблем проектирования основных образовательных программ нового поколения при профессиональной подготовке архитекторов, анализируется возможность разрешения противоречий путем интерпретации эйдетической основы и целеполагания образовательных программ с позиций развития критического мышления.

Ключевые слова: проектирование основных образовательных программ подготовки архитекторов, компетентностный подход в профессиональной архитектурной подготовке, критическое мышление.

THE COMPETENCE APPROACH TO THE EDUCATION OF THE ARCHITECT BASED ON THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING

N. V. Bagrova (Novosibirsk)

In the article, in the context of description of the methodological problems of designing the new-generation, basic educational programs for architects, there

---

Багрова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, первый проректор Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии.

630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38.

E-mail: a2000407@yandex.ru

is analyzed the possibility of resolving the contradictions by interpreting the eidetic foundations and the purposes of educational programs from the positions of critical thinking.

Key words: *designing the basic educational programs for architects, competence-based approach to the professional architectural education, critical thinking.*

Актуальность разработки методологической базы проектирования основных образовательных программ высшего профессионального образования в контексте модернизации системы образования обусловлена изменениями целевых ориентиров и концепции подготовки специалистов. Анализируя комплекс программных документов [1, с. 2], стратегическую цель модернизации можно определить как установление соответствия международных квалификационных стандартов работодателей и обязательств образовательных организаций. В этой связи действовавшая на протяжении долгого времени концепция профессиональной подготовки, направленная преимущественно на формирование теоретического отношения к действительности с преобладающей долей академической, знаниевой составляющей, уступает место компетентностной концепции с деятельностной доминантой активности, предприимчивости, самостоятельности и социальной ответственности выпускников как субъектов рынка труда. Таким образом, новый формат отношений вузов с рынком труда строится в компетентностной парадигме.

Опыт проектирования основных образовательных программ направления 270100 «Архитектура» на уровне бакалавриата и магистратуры выявил ряд проблем, которые связаны как с многообразием интерпретаций понятий и технологий разворачивания компетентностного подхода, так и неготовностью инфраструктуры и социальных институтов, задействованных в реализации программ, к диалогу в процессе их проектирования. Одним из проявлений этих проблем стал, в частности, тот факт, что гарантирующая академическую свободу вуза универсальность формулировок новых образовательных стандартов сегодня настолько автономизировала содержание образовательных программ одного направления в разных школах, что интеграция школ в единое образовательное пространство стала принципиально невозможной. Появилась острая необходимость в дополнительных документах, регулирующих механизм взаимного признания зачетных единиц. Очевидно, что в условиях отсутствия отработанной обратной связи с работодателем, который, собственно, и оценивает степень компетентности выпускника высшей школы, такой результат прямо противоположен ценностям Болонской декларации.

В телеологическом аспекте отчетливо наблюдаемая поляризация позиций академического сообщества и «практиков» в отношении вопросов целеполагания образовательных программ сегодня существенно затрудняет начало диалога. В условиях высокой социально-экономической динамики работодатель ощущает свою способность «оформить заказ» на выпускника в компетентностном описании с максимальной перспективой «на сегодня» в то время как выпускники смогут в полном объеме развернуть свои компетенции только после семи лет обучения для полу-

чения степени магистра архитектуры и трех-пяти лет практической деятельности.

Однако описанную проблемную ситуацию и отход к противоположным позициям можно рассматривать как первую необходимую стадию модернизационных процессов, если рассматривать интеграцию как полярную фазу маятникового развития институциональной структуры и культуры образования от разъединения к объединению. Говоря о текущем состоянии модернизации, необходимо выявлять потенциал изменений и направление вектора ближайшего развития.

В эйдетическом аспекте построения методологической базы образовательных программ высшей школы А. Г. Бермус замечает, что «мы можем говорить о том, что российская теория и практика профессионального образования (особенно в высшей школе) в большей степени связана с классической университетской традицией, находящей свое обоснование в идеях платонизма, новоевропейского рационализма, философии культуры <...> Компетентностный подход укоренен в неклассических представлениях позитивизма и прагматизма, современной теории менеджмента, текстологии <...> Российское педагогическое сознание в существенной степени – объектоцентрично. <...> Соответственно, и компетенция в российском смысле определяется как способ деятельности в отношении определенных объектов. Если же обратиться к американскому опыту формулировки компетентностных моделей, то здесь на первый план выходит действие, операция, соотносящиеся не с объектом (реальным или идеальным), но - с ситуацией, проблемой. Соответственно, объекты приобретают совершенно иной статус: это уже не естественные феномены, которые должны быть опознаны, описаны и классифицированы, но - рукотворные свидетельства овладения соответствующей компетенцией (планы, отчеты, аналитические записки)» [2].

Гипотетически предполагается, что, перенастраивая фокус внимания от объекта деятельности и ситуации деятельности к субъекту деятельности в ситуации, мы можем получить принципиально новый вариант эйдетического основания профессиональной подготовки. Этот подход и в эйдетическом и в телеологическом аспектах конструирует промежуточную переходную модель образовательной программы на основе паритета академического и деятельностного начал с доминантой субъектности.

Таким образом, стартовые проблемы проектирования новых образовательных программ, на наш взгляд, можно преодолеть путем последовательного нарастающего включения элементов компетентностного подхода в циклы ротации образовательных программ. В этом случае целеполагание программ первых итераций выстраивается с позиции широкого универсального фундаментального образования как ведущей ценности. При этом осведомленность в профессиональном предмете предполагается как необходимое, но недостаточное условие. Дидактический акцент первых программ делается на разворачивании совместной работы студентов и преподавателей по осмыслению профессиональной культуры с позиций осознанного отношения к методу собственной работы и осознанного управления методом.

В результате предполагается, что выпускники первых генераций помогут не только критично оценить возможности и недостатки нового подхода на практике, но и творчески переосмыслить концепцию образования с точки зрения вчерашнего выпускника и ныне молодого преподавателя. Целью первых образовательных программ в этом случае является формирование, наряду с прочими, и таких владений студентов, которые позволяли бы совершать мыслительный выход за пределы конкретной деятельностной ситуации. При этом в качестве «деятельностной ситуации» рассматриваются не только педагогические симуляции, выстроенные вокруг учебной псевдопрофессиональной задачи, но и ситуации, связанные с проектированием самой учебно-игровой профессиональной деятельности. Подобный выход из контекста возможен только при развитом теоретическом сознании выпускника. Таким образом, в качестве одного из результатов обучения на основе компетентностного подхода полагается способность продемонстрировать владение разными элементами мышления, позволяющими не только решать конкретные производственные задачи, но и выходить за их рамки. Это владение содержит в своей основе навыки рефлексии.

В качестве стимула рефлексии в педагогической действительности традиционно используется внешняя оценка. Она имманентна любой образовательной технологии. Ее изучению посвящены многие педагогические исследования. Задача нового подхода – вызвать способность к выходу из деятельностной ситуации, из текущего контекста с минимальным участием внешних стимулов. Полагается, что такой выход можно совершить посредством тренировки собственного критического мышления в ситуации самоопределения.

Неочевидность дефиниции понятия «критическое мышление» проявляет проблему синкретичности критической составляющей в пространстве мышления вообще. В философском дискурсе понятие критического мышления синонимично понятиям логического и аналитического мышления. Кроме того, критическое мышление содержит компоненты творческого продуктивного мышления. Функциональное отличие критического мышления от какого-либо другого состоит в том, что оно включает в себя оценку не как процедуру отбора варианта в творческом мышлении и не как рефлексии в логическом мышлении (или проверку достоверности в аналитическом мышлении). В критическом мышлении оценка – продукт самого размышления.

На наш взгляд, можно говорить о генетической связи критического мышления с «конструктивным скептицизмом», исходной посылкой которого является допущение о том, что отсутствие однозначного ответа на вопрос (или отсутствие единственного решения проблемы) не является исключительным обстоятельством, но в большей степени нормой нашей действительности. С этих позиций наиболее адекватным способом организации педагогической ситуации развития критического мышления является ситуация самоопределения в деятельности.

Каким образом эта ситуация стимулирует развитие компетенций, в основании которых лежат функции критического мышления?

С точки зрения компетентностного подхода, критическое мышление должно реализоваться в деятельности, демонстрируя способности к целеполаганию, выбору путей к достижению цели, проявляться в коммуникативных навыках и навыках аргументации собственной позиции. Развитое критическое мышление стимулирует мотивацию к саморазвитию, способствует приобретению умения ориентироваться в быстро меняющихся обстоятельствах и критически оценивать свои достоинства и недостатки. В ряду профессиональных компетенций критическое мышление осуществляет аксиологическую, селективную, даже продуктивную функции, находясь в ядре творческой профессиональной деятельности. Критическое мышление проявляется себя там, где необходим рефлексивный выход из ситуации. По словам Г. В. Сориной, рефлексия сочетается с другими навыками: «критическое мышление предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, умение работать с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке аналогичных возможностей других людей. Критическому мышлению в целом свойственна практическая ориентация». Далее автор делает вывод о том, что рефлексия «может быть проинтерпретирована как форма практической логики, рассмотренная внутри и в зависимости от контекста рассуждения и индивидуальных особенностей рассуждающего субъекта» [3].

Близко к определению критического мышления в качестве практической логики подходит Д. Халперн [5] в детальном анализе интеллектуальных умений, базирующихся на функциях критического мышления. В качестве таких умений выступают: аналитические процедуры, выдвижение, формулировка, разработка гипотезы, поиск аналогий, привлечение знаний, актуализация причинно-следственных отношений, аксиологический анализ, сравнение, сопоставление, противопоставление, анализ применимости в реальных условиях, изучение иных точек зрения и построение контраргументации, оценка и проверка ее достоверности, обобщение идей.

Каким образом обучение «практической логике» реализуется в профессиональной подготовке по творческим направлениям и, в частности, в архитектурной подготовке?

В качестве отправной точки поиска ответа на этот вопрос можно постулировать не нуждающуюся в обосновании связь архитектурной педагогики и архитектурно-теоретического знания (академического, методологического, эмпирического и т. п.). Естественно, что кризисные состояния архитектурной теории немедленно сообщаются с архитектурной педагогикой.

Кризисное состояние архитектуроведения теоретик архитектуры и методолог А. Г. Раппапорт описывает следующим образом: «в современной теории архитектуры акцент делается <...> на нормативную сторону - на принципы и методы, которые, якобы способны обеспечить продуктивное развитие архитектурного проектирования, а критический анализ этих принципов, соотношение мифологических, логических, нормативных и эмпирических моментов в их построении остается не выявленным»

[6, с. 27]. Из чего можно сделать вывод о том, что современное архитектуроведение готовится вступить в очередную фазу активизации рефлексивных тенденций, которую не раз уже переживало. Таким образом, ситуация самоопределения в рефлексивном выходе характерна не только для педагогической действительности подготовки архитекторов, но представляет собой сегодняшний экзистенциальный субстрат профессии в целом. В этой ситуации, которую можно охарактеризовать как состояние текущего «горизонтального» состояния профессиональной культуры с характерными размытыми ориентирами, особенно востребован «иммунитет» к предвзятости и манипуляциям. Особо актуальными становятся универсальные структуры деятельности, технологии, алгоритмы и операции, совершаемые с любым эмпирическим материалом. Необходимо лишь осознать их, отделив от эмпирического содержания.

Как известно, осознанию подлежит лишь то, что превращено в содержание сознания, то есть интериоризовано в системе личностного знания. Только персонифицированные структуры деятельности могут стать основанием для реализации технологий. Каковы структуры критического мышления и каковы технологии их персонификации?

В дидактическом аспекте «Критическая педагогика» Л. М. Симели устанавливает основные принципы развития критического мышления следующим образом: «в центре движения, которое я защищаю в моих методах обучения - потребность: 1) развития понимания характера репрезентации действительности; 2) обеспечения знаниями о контекстах и целях; 3) поощрение интереса к изучению процесса выбора, интерпретации, и действия после восприятия артефакта в различных контекстах» [4, р. 148].

Таким образом, приоритетом в организации педагогической ситуации является не формирование знания о конкретных методах или даже принципах, но развитие критического мышления как глубинной основы, функционального базиса профессиональной деятельности. Для этого необходимо осознать атрибутивность критического мышления в любой работе. Отсюда можно сформулировать задачу обязательного включения в качестве раздела любой работы выведенных из сознания, определенных результатов критического осмысления собственных действий.

В технологическом аспекте формирование критического мышления предполагает ответы на вопросы о цели познавательной деятельности, об исходных гносеологических посылах, о программе действий и результатах обратной связи. Ответы должны содержать в себе вариативный выбор, обобщение фактов, оценку достоверности аргументов, оценку неопределенности и сопоставление ее с прогнозом решения.

Критическое мышление включено в последовательность основных мыслительных операций процесса рассуждения и аргументации; оно является необходимой составляющей формулирования проблемы, постановки цели, выдвижения гипотезы, построения прогноза последствий реализации гипотезы, анализа и обоснования оценки последствий, выдвижения альтернатив. В компетентностном аспекте этот тип мышления начинает проявлять себя в погружении в ситуацию неопределенности, когда включаются знания и способности их применять в оценке ситуации. В поста-

новке проблемы, в анализе аргументов, выборе и оценке решений базовой операцией критического мышления является сопоставление.

Сопоставление условно можно разделить на два вида: сравнение аналогов и выявление соответствия. Сравнение аналогов осуществляется на эмпирическом уровне критического мышления. Выявление соответствия – на нормативном и ценностном уровнях. На эмпирическом уровне преобладает когнитивная составляющая мышления. На нормативном и ценностном – логическая. Помимо проектирования технологии и обучения алгоритму мыслительных операций, важным представляется тщательный подбор материала критического осмысления в подмножествах эмпирики «кейсов», академического материала, результатов научных исследований. Наряду с перечисленными ситуациями педагогического сопровождения на пути к найденному и известному заранее результату, педагогические ситуации могут разворачиваться как неопределенные, не имеющие заготовленного ответа. Это ситуации осмысления по поводу самой технологии критического мышления и мыслительных алгоритмов.

Итак, сама идея модернизации создает особую проблемную ситуацию, открывающую актуальность и запускающую процесс осознания новых возможностей и, прежде всего, возможности совместного творчества работодателей, высшей школы и студентов по моделированию результатов образования и образовательного процесса. Внимание к этой стороне преобразований в интерпретации эйдетической основы и целеполагания образовательного процесса в совместной научно-методической работе студентов и преподавателей, внедренной в образовательный процесс, с одной стороны, позволит начать работу по преодолению неопределенности понятийного аппарата и достижению конвенций о механизмах модернизации между высшей школой и работодателем, а с другой стороны, будет способствовать активности, предприимчивости, самостоятельности и социальной ответственности выпускников как субъектов рынка труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Болонский** процесс: Бергенский этап / под ред. В. И. Байденко. – М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов : Рос. новый ун-т, 2005. – 174 с.
2. **Бермус А. Г.** Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Эйдос. – 2005. – 10 сент.
3. **Сорина Г. В.** Критическое мышление: история и современный статус // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2003. – № 6. – С. 97–110.
4. **Semali L. M.** Literacy in Multimedia America. – New York–London : Falmer Press, 2000. – 243 p.
5. **Халперн Д.** Психология критического мышления. – СПб. : Питер, 2000. – 241 с.
6. **Раппапорт А. Г.** История архитектурной мысли и ее будущее : докл. // Личность, эпоха, стиль : междунар. науч. конф. по вопр. всеобщей истории архитектуры (6–7 окт. 2008 г.). – М. : НИИ ТАГ РААСН, 2008.